

Живой Горький

Б. БЯЛИК

Сейчас, когда мы отмечаем двенадцатую годовщину со дня смерти Горького, гениального зачинателя нового, социалистического искусства, у каждого из нас возникает одна и та же мысль: он мог бы быть еще жив, если бы не черное преступление врагов. Как мощно звучал бы голос беспощадного борца против фашизма в дни Великой Отечественной войны! Страстный патриот, глубоко чувствующавший и ярко показавший в своем творчестве величие своего народа, его героизм, его исключительную талантливость, он откликнулся бы проникновенными словами на победы советских армий. И как радовался бы сегодня вместе с нами победам трудового энтузиазма великий художник пролетариата, всю жизнь славивший труд! Боль утраты не ослабела от времени. Но годы, прошедшие со дня смерти Горького, показали, что враги, убившие гениального художника и чудесного, неповторимого человека, — не убили, не могли убить той огромной силы, которая жила в его сердце, горевшем любовью к народу, и которая воплотилась в его произведениях, во всех его словах и делах.

«Нельзя считать случайностью, — сказал тов. Молотов в докладе «Тридцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции», — что ныне лучшие произведения литературы принадлежат перу писателей, которые чувствуют свою неразрывную идейную связь с коммунизмом». Эти слова относятся к первой очереди к основоположнику советской литературы, к певцу коммунизма — Горькому. Только целиком, органически став на позиции революционного рабочего класса, Горький смог заложить основы нового направления искусства — социалистического реализма. Только сблизившись с партией Ленина — Сталина и глубоко усвоив принцип большевистской партийности, он сумел создать свои величайшие произведения — от «Матери» до «Жизни Клима Самгина». Именно идеи коммунизма были источником той бессмертной силы, которая воплотилась в творчестве Горького.

Многие и многие страницы произведений Горького звучат сейчас так, как будто они написаны только-что, по свежим следам последних событий. В 1906 году Горький создал в Америке замечательные памфлеты о стране «Желтого Дьявола» — доллара. Эти памфлеты недаром вызвали такой взрыв злости у продажных буржуазных писак: Горький показал, что зеленая окись покрыла не только статую Свободы, — что заржавела, захламилась, выродилась вся пресловутая американская «демократия». Нарисованный Горьким образ «одного из королей республики», миллионера, требующего, чтобы все члены американского правительства были «акционерами в промышленных предприятиях», мог в то время показаться наивным людям преувеличением. Но есть ли такие наивные люди теперь, когда это правительство, во исполнение желаний «короля республики», состоит из гарриманов и форрестолов — прямых представителей Уолл-стрит? «Они должны лишать социалистов гражданских прав», говорил о членах «своего» правительства один из «королей республики». Нынешний американский министр юстиции говорит об этом уже открыто в конгрессе. И если кое-кому мог показаться преувеличением сатирический рассказ Горького об особом американском бюро, которое занимается «гипнозом общественного мнения» и создает «массу мелких скандалов для прикрытия крупных преступлений», то кто же не увидит сейчас в этом рассказе точное изображение комиссии по расследованию «антиамериканской деятельности»?

В то время, когда были написаны эти памфлеты, не только откровенные буржуазные писатели, но и некоторые люди, считавшие себя социалистами, высказывали недоумение: что дало право Горькому смотреть сверху вниз на Америку? Они «забывали» об одной «детали», о том, что Горький мог уже взглянуть на Америку с высоты великих событий революции 1905 года, которые наполнили сердце Горького верой в свою страну, в ее всемирно-историческую миссию. «Знаете, что я вам скажу, — писал тогда Горький в одном из писем. — Мы далеко впереди этой свободной Америки, при всех наших несчастьях! Это

особенно ясно видно, когда сравниваешь здешнего фермера или рабочего с нашими мужиками и рабочими». И недаром именно тогда, в Америке, были написаны Горьким в повести «Мать» пророческие слова:

«...Россия будет самой яркой демократией земли!».

Если Горький еще в те далекие времена увидел величие своего народа, то можно ли удивляться его гордым словам, произнесенным тогда, когда пришла победа Октябрьской революции и когда великие социалистические преобразования поставили нашу страну во главе всего передового человечества: «Мы выступаем как судьи мира, обреченного на гибель...». И сколько гнева и сарказма было в его словах, когда он говорил о западно-европейских и американских империалистах, об их ненависти к стране Советов и тщетных попытках повернуть историю вспять. Но Горький никогда не смеивался правящую клику капиталистических стран с народными массами. Когда редакция одного американского журнала задала Горькому вопрос, ненавидит ли советский народ американцев, писатель назвал нелепым и уродливым самый факт постановки такого вопроса. И, указывая, что он имеет в виду не американцев вообще, а американских капиталистов и их агентов, Горький сказал: «Капиталисты всех стран одинаково противны и бесчеловечны племю, но вышнему — хуже. Они, видимо, более глупо жадны к деньгам».

Да, Горький знал цену капиталистам всех стран, — он недаром показывал когда-то полнейшее сходство американского миллионера с кайзером Вильгельмом в стремлении к мировому господству. И он недаром написал еще задолго до фултонской речи поджигателя новой войны: «...Уинстон Черчилль, он, конечно, уже не человек, а что-то неизмеримо худшее, он — весьма характерен как существо, у которого классовый признак выражен совершенно идеально, в форме его консерватизма и звериной ненависти к трудовому народу Союза Советов». Убийственно метки горьковские характеристики, поразительно остры и актуальны многие его образы. Еще есть в мире негодяи вроде изображенного Горьким в пьесе «Старик» — те, которые хотят господствовать путем запугивания и шантажа. Еще есть в мире бандиты, подобные изображенному Горьким в «Рассказе о герое» — те, которые пытаются утопить в крови пробуждение народного сознания и о которых Горький сказал ярко и точно: «Политика трусов — всегда политика жестокости...». И разве не звучит сейчас в полную силу горьковский памфлет «Прекрасная Франция» — о прекрасной Франции замечательных писателей и мужественных борцов за свободу и о продажной Франции банкиров? Разве не приобретают сейчас новую свежесть краски чудесных «Сказок об Италии», о тех сынах итальянского народа, которые не хотят, чтобы их страна была гостиницей для американцев, и говорят: «Русские — вот люди!.. Страна героев!».

Не умирают и не стареют произведения Горького, потому что не стареют те идеи, которые их одушевили, и те творческие принципы, которые лежат в их основе. Еще в 90-е годы, борясь против распространявшегося в буржуазной литературе влияния западноевропейского декаданса, Горький выступил с защитой «смелого и благородного девиза реализма». «Я не отрицаю свободы искусства, и

только решительно высказывался против свободы «чуждачества» в искусстве», — писал тогда Горький. Он говорил о декадентах: «Я против приложения эпитета «новое» к искусству этих художников, к их туманным и темным фразам, ничего не говорящим ни уму, ни сердцу». И он, так страстно искавший новую, «свою тропу» в искусстве, решительно отмежевывался от ложного «новаторства» декадентов и от их мнимой «свободы»: «...Искусство — свободно», — твердо помнят они и с уверенностью занимают гайдамачеством в искусстве, выдвигая на место кристально-чистого и звонного пушкинского стиха свои неритмичные стихи без размера и без содержания, с туманными образами и дутыми претензиями на оригинальность тем, а на место картин Репина, Перова, Прянишникова и других колоссов русской живописи — колоссальные полотна, техника которых вполне родственна угловатым и растрепанным стихам m-me Гиппиус и иже с ней. Какой специальный смысл во всем этом, какое положительное значение может иметь эта пляска св. Витта в поэзии и живописи?».

Свою борьбу с этой пляской бесноватых в искусстве Горький не ослабил в дальнейшем. Опираясь на ленинский принцип партийности литературы, он придал ей новую силу. Мы имели в последнее время не один случай убедиться в жизненности творческих принципов Горького, выработанных им с помощью его великих руководителей и друзей Ленина и Сталина, с помощью большевистской партии. Те удары, которые нанесла наша партия в последние годы проявлениям безидейности, аполитичности, формализма в литературе и искусстве, были утверждением того идейного и творческого пути, на который первым из писателей вступил Горький. Вспомним замечательные слова Горького, сказанные им на съезде писателей, — о том, что нельзя «найти свободу творчества вне строгих указаний истории, вне ее основной, организующей идеи», и о том, как опасны для художника малейшие «отклонения от математически прямой линии» ленинского учения. Вспомним одну из последних статей Горького — «О формализме», где Горький высказал опасение, что борьба с формализмом ведется слишком поверхностно и слабо, где он раскрыл весь реакционный идейный смысл этого течения и его рабскую зависимость от современной западно-европейской и американской декадентщины и где он призвал к созданию книг высокоинтересных, «строгих реалистических» и простых и прекрасных по форме, — «как прекрасна мелодия в музыке». И если говорить о музыке, которую так любил и так понимал Горький, то нельзя не вспомнить, что он выше всего ставил традиции «могучей кучки», неустанно напоминал о музыкальном фольклоре, о том, что «отовсюду — от зырян, бурят, чуваш, марийцев и т. д. — для гениальных музыкантов будущего льются ручьи поразительно красивых мелодий», и страстно ненавидел «музыку толстых» — музыку, проникнутую гнилым духом разложения империалистического Запада.

Горький попрежнему с нами, по-прежнему участвует во всех наших творческих исканиях и в нашей борьбе за высокую идейность и реалистичность советского искусства. И произведения его находят все новые и новые миллионы читателей не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами, — можно без всякого преувеличения сказать, что творчество Горького, давно завоевавшее популярность во многих странах, все же никогда не вызывало такого исключительного интереса во всем мире, как именно сейчас. Это является одним из многих свидетельств могучего роста авторитета нашей Родины: в произведениях Горького ищут и находят историю борьбы русских людей за свободу, той борьбы, которая поставила наш народ во главе всего человечества. Это является одним из многих свидетельств победоносного шествия идей коммунизма: к Горькому обращаются, как к ученику и другу Ленина и Сталина. И это является одним из ярких доказательств того, что художественное творчество только тогда действительно свободно и только тогда поистине бессмертно, когда оно служит интересам народа и участвует в борьбе за коммунизм.

Памяти А. М. Горького

Вчера, в день 12-й годовщины со дня смерти Алексея Максимовича Горького, в Центральном доме литераторов состоялось торжественное заседание Института мировой литературы имени Горького Академии наук СССР, посвященное памяти великого русского писателя. Н. Белкина выступила с докладом «Горький-романист». Доклад Т. Мотылевый был посвящен теме «Наследие Горького и современная зарубежная литература».